

— Ваше Величество, Сяо Цин, служанка из дворца Вэньюнь, умоляет о встрече. Она говорит, императрица...

— Передай, что я уже лёг. Пусть уходит, — сухо отрезал Лин Сичу, не оборачиваясь. Рука его, державшая кисть, даже не дрогнула.

На шёлке постепенно проступали черты улыбающейся женщины. Лицом она походила на Вэнь Цайэр, но в её облике сквозила мягкая, утончённая грация, которой так не хватало императрице.

Лин Сичу приподнял неоконченный портрет, заморожённо вглядываясь в холст.

«Жуюань?..»

Он одиноко и горько улыбнулся. Что толку быть владыкой Поднебесной? На вершине власти всегда холодно. И даже в час величайшего триумфа рядом нет никого, с кем можно разделить радость или выплакать печаль.

— Ваше Величество! Докладывают... Великий наставник Чжао стягивает крупные военные силы... — Слуга запнулся, не смея продолжать. Озвучить столь крамольную догадку вслух — на это у него не хватило бы смелости, даже будь у него десять жизней.

— Вот как? — Лин Сичу заинтересованно приподнял бровь. Бережно свернув свиток, он приказал: — Продолжайте наблюдение. Что бы он ни предпринял, не мешайте ему.

— Слушаюсь, — растерянно ответил лазутчик.

Император поднялся. В колеблющемся полумраке он странно и пугающе улыбнулся.

Поместье Чжао

— Господин, вы твёрдо всё решили? — с тревогой в голосе спросил Суйфэн.

Чжао Бучжи, облачённый в чёрные одежды, холодно усмехнулся.

— А по-твоему, я могу и дальше это терпеть?

— Но Император...

— Плевать мне на него! — отрезал Великий наставник. — Эту женщину я больше не намерен терпеть ни секунды. От одного вида её лица, так похожего на лицо моей матери, от её

притворной добродетели меня тошнит. А этот мужчина?.. Искал ли он меня хоть раз за последние двадцать лет? Он предал жену и бросил сына, о чём тут вообще говорить?

Гнев Чжао Бучжи полыхал так яростно, что его смуглое лицо пошло багровыми пятнами.

В его мыслях вдруг возник чей-то далёкий, безмятежный образ. Сюй Нуо...

«Он принадлежит мне. И всегда будет моим».

Лин Цзюмо, ты слишком в себя поверил.

— Мой клинок принадлежит вам до последнего вдоха, — твёрдо произнёс Суйфэн.

Чжао Бучжи похлопал верного стража по плечу и глубоко вздохнул.

— Это путь в один конец. Но обещаю: если я добьюсь величия, ты поделишь его со мной.

Суйфэн молча поклонился и вышел из комнаты.

«Господин, я преданно следую за вами с шести лет. Уже двенадцать долгих лет... Но если вы действительно обретёте великую власть, оставите ли вы меня в живых?»

Страж грустно и обречённо улыбнулся, но господин этого уже не видел.

Терем Сотни Цветов

Здесь, как и всегда, бурлило хмельное веселье. Окна полыхали яркими огнями, скрывая за пеленой роскоши сладостный порок беззаботной ночи.

Тень в чёрном бесшумно скользнула по черепичной крыше и проникла в одну из освещённых комнат.

— Старый господин, молодой хозяин... начал действовать, — прошептал незванный гость.

Лежавший в постели мужчина лишь недовольно перевернулся на другой бок.

— Знаю. Свободен, — буркнул он.

Лазутчик беззвучно растаял во тьме.

Старик Чжао, притворившись сонным, поёрзал на подушке и пробормотал под нос:

— Глупый ты ещё, сын мой... Неужели думаешь, что великие дела вершатся так просто?

Зевота одолела его, и старик снова погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Ни души. Всюду царила зловещая тишина. Даже когда показался патруль, они прошли мимо, даже не попытавшись обыскать незваных гостей. Путь в самое сердце императорского дворца оказался подозрительно лёгким.

Притаившись на краю крыши, Чжао Бучжи хмуро всматривался в ночную темень. Столь беспрепятственное проникновение огромного вооружённого отряда посреди ночи казалось не просто странным — оно отдавало ловушкой.

«Что это, Лин Сичу? Решил заманить меня в мышеловку или просто ни во что не ставишь?»

В любом случае пути назад не было. Чжао Бучжи сделал знак притаившимся в тени воинам двигаться вперёд. Больше терпеть он не мог. План, который он вынашивал долгие годы, наконец пришёл в движение. В жилах бурлила дикая, лихорадочная смесь страха и предвкушения, заставляя сердце колотиться в бешеном ритме.

Во дворце Вэньюнь — ни души.

В Императорском кабинете — пусто...

Даже обычно шумный Дворец Чжучи тонул в безмолвии. Неужели все стянулись к Залу Питания Сердца?

Чжао Бучжи мысленно оскалился. Тем лучше — покончит со всеми разом.

Он бесшумно скользнул к крыше Зала Питания Сердца. Окна здания действительно сияли огнями. Стоило Бучжи аккуратно приподнять одну из черепиц, как изнутри донёсся спокойный голос Лин Сичу:

— Бучжи, спускайся. Чего ты там ждёшь?

На мгновение опешив, Великий наставник тут же взял себя в руки. Даже если его раскрыли, что с того? Неужели этот старик посмеет его казнить?

Он легко спрыгнул вниз и огляделся. К его изумлению, в зале не было ни одного стражника. Лин Сичу преспокойно сидел на невысоком ложе, мягко и тепло улыбаясь.

— Небось гадаешь, почему никто не преградил тебе путь? — Император налил в кубок вина и, покачивая его в руке, устремил на незваного гостя взгляд, в котором светилось странное, необъяснимое торжество.

Тело Чжао Бучжи напряглось, словно натянутая тетива, но душу захлестнула горькая, удушливая обида. Что это за фарс? Игра в кошки-мышки? Сражение, к которому он готовился всю жизнь, для этого человека оказалось лишь забавным пустяком. Неужели всё закончится вот так? Он проиграл, даже не успев поднять меч. Однако гордость не позволяла ему склонить голову, и он остался стоять, прямой и безмолвный, как скала.

Лин Сичу осушил кубок, и он посмотрел с глубокой тоской.

— Мэнхэ... Неужели ты до сих пор не желаешь назвать меня отцом?

— Что... что за чушь ты несёшь?! — Чжао Бучжи вздрогнул, его пальцы невольно легли на эфес. — Откуда ты...

— Я знаю всё, — перебил его Император, снова наполняя кубок тёмным вином.

Чжао Бучжи почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Он не сводил глаз с государя, пытаясь угадать, какую ловушку приготовил этот старый лис.

— Девятнадцать лет назад я отправился в поездку на запад. Те дни я проклиная больше всего на свете, — горько усмехнулся правитель. — В тот день я лишился и любимой женщины, и новорождённого сына...

Меч с глухим звоном выскользнул из ослабевших пальцев Чжао Бучжи и упал на пол. Он знал. Этот человек действительно обо всём знал! Великий наставник мёртвой хваткой вцепился в полы своих одежд. Но почему? Почему тогда он столько лет терпел ту тварь на троне императрицы? Почему позволил собственному сыну скитаться на чужбине, ни разу не протянув руки?

— Когда я вернулся во дворец, боль едва не свела меня в могилу. Три месяца я не показывался чиновникам. Лазутчики доносили, где ты находишься, но у меня просто не было сил забрать тебя. Ненавидишь меня за это? — Лин Сичу пытливо вглядывался в лицо сына.

Он хрипло рассмеялся и продолжил:

— Позже, уступая мольбам вдовствующей императрицы, я пришёл во дворец Вэньюнь. И там... я замер. Вэнь Цайэр была лицом точь-в-точь как Жуюань. Я утонул в этой иллюзии, пытаюсь

заглушить тоску. Зная, что это лишь подделка, я всё равно не мог вырваться из её сетей. Верни я тебя во дворец, ты бы ни за что не примирился с её существованием. А мои чувства к этой женщине... это безумие, которое я сам не в силах объяснить.

Лин Сичу поднялся на ноги.

— Но государь должен обладать терпением и жестокостью, недоступными простым смертным. Я приказал Чжао Куану позаботиться о тебе. Зная, что в его поместье ты ни в чём не будешь нуждаться, я оставил тебя там на долгие годы. И вот сегодня, глядя, как ты стоишь против Цзюмо, я вдруг понял... Мой мальчик наконец вырос.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Теперь всё сходилось. То нелепое спасение на грани гибели, когда его подобрал Чжао Куан; то, как старик всегда робел перед ним; то, с какой лёгкостью он, едва возмужав, прибрал к рукам власть при дворе... Все эти странные совпадения одно за другим выстраивались в чёткую, пугающую картину.

Простое «мой мальчик» разбредило в душе Чжао Бучжи старые раны. Все эти годы он считал себя безвинно страдающим сиротой, вынужденным таить обиду и копить силы для мести. И даже не подозревал, что чья-то невидимая рука направляла каждый его шаг, а он неотступно и с любовью следил за ним из темноты. Стоит ли простить его?

Но если отец так страдал из-за гибели матери, почему не покарал виновных? Почему позволил той змее править в гареме? Сказать сейчас заветное «отец» означало простить и забыть те зверства, что творила эта ядовитая тварь...

Бучжи открывал и закрывал рот, но так и не смог выдать ни звука.

Вэнь Цайэр не заслуживала прощения. Никогда.

Внезапно снаружи донёсся поспешный, испуганный топот ног. В зал ворвался рыдающий евнух:

— Ваше Величество! Из дворца Вэньюнь... Императрица преставилась!

Лин Сичу застыл. Он мелко задрожал. Неужели эта женщина ушла вот так просто?..

Чжао Бучжи тоже опешил от неожиданности, но быстро справился с собой.

— Отец, поберегите себя, — произнёс он, жестоко улыбнувшись. — Позвольте мне пойти и всё разузнать.

Значит, небо всё-таки справедливо.

Услышав обращение «отец», Лин Сичу вздрогнул. На его осунувшемся лице проступила глубокая, вековая усталость.

— Пойдём вместе, — хрипло выдохнул он.

Чжао Бучжи бережно поддержал пошатнувшегося императора под локоть. В душе Великого наставника шевельнулась странная тоска. Смерть этой твари принесла облегчение, но её лицо... оно всё же напоминало ему о безвременно ушедшей матери.

Во дворце Вэньюнь царило гробовое молчание. Во дворе, понутив головы, замерли несколько заплаканных служанок. Из покоев не доносилось ни звука.

Лин Сичу жестом приказал слугам не объявлять об их прибытии и вместе с сыном вошёл внутрь. Переступив порог, оба замерли как вкопанные.

Лин Цзюмо, утративший былую спесь и жизнерадостность, без сил стоял на коленях у постели усопшей, сжимая в ладонях её остывающую руку.

— Матушка, как же ты жестока... — тихо шептал принц. — Ушла и оставила меня одного. Без твоей защиты что мне теперь делать? Отец мне не отец, слуги не слуги...

Император и Чжао Бучжи потрясённо переглянулись.

— Мы оба твои сыновья, но почему мы такие разные? — продолжал Цзюмо, устремив пустой взгляд на покойную. — Неужели всё потому, что его мать умерла молодой? Разве кто-нибудь видел, какой непосильной ношей была твоя собственная жизнь?

Лин Сичу лишился дара речи от потрясения. Неужели его девятый сын, этот едва перешагнувший порог совершеннолетия юноша, знал обо всех тайнах дворца?

— Разве стоило так цепляться за эту жизнь, если конец предreshён? — холодно бросил Чжао Бучжи, стоя у дверей.

Лин Цзюмо даже не обернулся на его голос. Он лишь тихо усмехнулся:

— Что, уже признали друг друга перед предками? Как трогательно. Поздравляю с воссоединением семьи.

— Цзюмо... откуда тебе всё это известно? — нерешительно спросил правитель.

— А какая теперь разница? — Девятый принц опустил веки, вымученно и горько улыбнувшись.
— Вы ведь с самого детства ни в чём мне не отказывали, верно? Сквозь пальцы смотрели на любые мои проказы и никогда не наказывали. Весь город трубил о вашей безграничной отцовской любви, но на самом деле... вы просто ждали, когда я совершу непоправимую глупость, чтобы со спокойной совестью избавиться от меня.

— Я оправдал ваши ожидания. Стал ленивым, вздорным негодяем, грозой всей столицы. Прояви я хоть каплю ума или таланта, вы бы давно стёрли меня в порошок, не так ли?

Лин Сичу оцепенел. Подобные мысли действительно порой промелькали в его голове, но как этот мальчишка умудрился разглядеть их?

— Думаете, я цеплялся за жизнь ради трона и богатства? — Цзюмо наконец повернулся к нему. Он смотрел с такой леденящей пустотой, что у императора мороз пошёл по коже.

— Всё, что я делал, я делал ради матушки. Вы ведь не думали, будто она не замечала вашего пренебрежения? — Юноша отвернулся и снова нежно коснулся холодного лица покойной. — Последние десять лет она угасала от мучительной болезни, но не проронила ни слова, чтобы не пугать меня. И держалась на этом свете только потому, что безумно беспокоилась о своём непутёвом сыне.

Лин Сичу бессильно закрыл глаза. Его девятый сын, которого он почти восемнадцать лет окружал показной заботой, под маской легкомыслия скрывал пугающую бездну...

Чжао Бучжи подошёл ближе, с отвращением глядя на усопшую. Смотреть на скорбь Лин Цзюмо было выше его сил. Он процедил сквозь зубы:

— Какая трогательная картина сыновней любви. Действительно, стоило ли доводить до этого?

Дзинь!

В мгновение ока ладонь Лин Цзюмо оказалась перед самым лицом Чжао Бучжи. Медный подсвечник с грохотом полетел на пол, покотившись по каменным плитам.

— Мсти мне сколько угодно, захлёбывайся собственной завистью, но не смей открывать свой грязный рот при моей матери! — прорычал Девятый принц. Он смотрел с такой первобытной яростью, безумно и дико, что у стоявшего рядом государя перехватило дыхание.

Чжао Бучжи мгновенно понял: скажи он ещё хоть слово, и эти пальцы без колебаний вырвут ему глаза.

Кажется, он слишком долго недооценивал этого мальчишку.

<http://bllate.org/book/20483/2173312>